

Общество

Лев Черной: Время Ч. или просто время? О том, как соотносятся пиар и история

Сложно заставить человека понять что-либо, если ему платят за то, чтобы он ничего не понимал.

Эптон СИНКЛЕР.

Книга «Время Ч. Андрей Калитин против Михаила Черного»*, не скрою, ставит меня в сложную ситуацию. Я понимаю генезис данного сочинения, что называется, от и до. Понимаю и то, что после его издания начнутся серийные отклики.

В книге А. Калитина походя задета моя репутация. Понимаю, почему задета. И понимаю, почему походя. И в этом понимании - главное препятствие на пути серьезного разговора по поводу этого самого «времени Ч.».

Я абсолютно убежден, что взрослые серьезные люди (к которым я отношу своего брата Михаила Черного) должны самостоятельно выбирать свою стратегию по любому жизненному вопросу. Тем более по вопросам ведущейся против них информационной войны. Любое вмешательство в такую стратегию кого-либо, в том числе родственников, я всегда воспринимал как бестактность. А бестактности всегда избегал.

Соответственно я считаю, что реагировать на расследование Андрея Калитина, предъявленное как «крестовый поход» автора против Михаила Черного, должен только Михаил Черной. Он и только он - как абсолютно самодостаточный человек. Как предприниматель, знающий, «что почем», и принимающий всегда самостоятельные решения по всем вопросам, включая репутационные.

Но, воюя с Михаилом Черным (повторяю, цель войны прозрачна, как никогда),

А. Калитин «бьет не по объектам, а по площадям».

Это можно было бы считать тонкой пиар-стратегией. Если я отвечаю - то ввязываюсь не в свое дело. Если не отвечаю - то потворствую дискредитации своей личности, предпринимательской и общественной роли. А я этому никогда не потворствовал и потворствовать не буду. Может быть, это и не пиар-стратегия, а «издержки военных действий, ведущихся против Михаила Черного».

Когда-то наши конкуренты выдумали бренд «братья Чёрные». Точнее - выдумали это даже не конкуренты, а их пиарщики, которым казалось очень остроумным обыграть фамилию, назвав нас не Черными, а Чёрными (черные демоны, зловещие вороны, клюющие печень отечественной промышленности).

Уже в ту эпоху все осведомленные люди понимали, что мы с Михаилом - не сиамские близнецы, а автономные личности, по-разному понимающие смысл предпринимательской деятельности, выбирающие для себя разные пути. В дальнейшем пути еще сильнее разошлись. Я сосредоточился на науке и высоких технологиях, брат предпочел продолжать более привычную для него предпринимательскую деятельность.

Занимаясь этой деятельностью, брат оказался участником крупнейших бизнес-конфликтов. Это его выбор, его желание, его решение, его путь. Встав на этот путь, он оказался объектом этой самой информационной войны, чья подоплека прозрачна, как никогда. И не скрывается даже самими участниками информационной войны. Вмешаться в это - наивно и бестактно. Как по уже указанным причинам общего характера, так и по причинам более конкретным. Откуда мне знать, что именно мой брат считает для себя разумным в плане репутационной стратегии?

И такт, и здравый смысл требуют от меня категорического отказа от вмешательства в чьи бы то ни было действия, осуществляемые под флагом «некто против Михаила Черного».

Но я не позволю никакому «некто» походя или как-то иначе задевать мою репутацию. Я не для того занялся наукой и общественной деятельностью, чтобы это позволять. И потому каждое ложное или превратное суждение по поводу Льва Черного будет разобрано и не останется без корректной жесткой оценки. Но если бы речь шла только обо мне лично, то, наверное, я нашел бы другие формы реагирования. И не стал бы публично выступать по столь частному поводу. Однако в каком-то смысле речь идет не обо мне, а об истории российского капитализма. Ровно в той степени, в которой я не желаю вмешиваться в чьи-то бизнес-конфликты и сопровождающие их информационные войны, я вмешивался и вмешиваюсь во все, что касается превратного истолкования этой истории.

Калитин хочет высказаться по поводу некой неоднозначной эпохи и называет ее «временем Ч.». То ли «чрезвычайное время», то ли «черное время». В любом случае ужасное время, связанное с ужасной ролью таких, как я.

Я не могу понять: в чем моя ужасная роль? Хочу понять, но не могу. Это ведь уже не вопрос репутации. Хотя мне совершенно безразлично, какую память я

оставлю своим детям и внукам. И все же речь идет о более крупных вещах. Например, о том, кто виноват в развале СССР, шоковых реформах, социальных бедах, катастрофическом обвале всего постсоветского хозяйства и многом другом.

Вопрос исторической и политической ответственности за прошлое - это еще и вопрос о будущем.

А раз так, то нужно понять то непростое время. Понять, а не приклеить к нему ярлык. Любой ярлык, например, ярлык «время Ч.».

Ни я, ни другие, брошенные в водоворот событий конца 80-х - начала 90-х годов, не были творцами этих событий. Мы лишь реагировали на происходящее. Причем примерно так, как реагирует пловец, попавший в бурный поток. Ведь реагируют-то по-разному. Кто-то паникует и тонет. А кто-то гребет в центр стремнины и выплывает. Если бы не было тех бурных и воистину глобальных событий, я жил бы в Ташкенте и был бы нормальным членом общества, которое постепенно уходило бы от «распределитовки», мешавшей его развитию.

Катастрофа тех лет лишила меня большой Родины - Советского Союза. А заодно и малой Родины - Ташкента, в котором жили я, моя семья, мои близкие. Мы жили там в климате, лишенном национальной распри. Мы дышали воздухом огромной страны, готовящейся к выходу на новые горизонты. Катастрофа 1991 года (а у нас в Средней Азии все началось раньше, если кто помнит трагические события в Фергане) лишила нас чего-то невосполнимого. Да, мы очень много получили. В том числе и в материальном плане. Но мы потеряли то, чему нет цены. И что нельзя восполнить никакими материальными приобретениями.

Уже тогда я решил для себя, что в том или ином виде буду заниматься не только извлечением прибыли. Те, кто хотел только легкого обогащения, не шли в тяжелую индустрию. Придя в нее, я реализовывал что-то, связанное с моими представлениями о должном. Возможно, эти представления были навеяны книгами, в которых деятели капиталистической эпохи выступали не как алчные негодяи, а как герои и государственники. Каждый формируется на той или иной литературе. Для меня эталоном был и остается Редьярд Киплинг и его представление о связи бизнеса и державности.

Первая задача, которая стояла перед нами в те далекие годы, - не дать остановить основные предприятия российской тяжелой промышленности. Почему мы должны были решать эту задачу? Потому что государство тогда самоустранилось от ее решения. Металлургия была рентабельной отраслью. Но эту отрасль лишили даже оборотных средств. Сложилась необъяснимая ситуация, при которой цеха и печи могли полностью остановиться. А раз остановившись (наверное, это понимают не только специалисты), остановиться навсегда.

Я ОСТАНАВЛИВАЛ ЭТИ ПЕЧИ? В каком горячем и злокозненном бреде можно выдумать что-то подобное? Я мешал их остановить! Да, можно было вмешаться в происходящее только по законам капитализма. То есть законам прибыли. Мы и получали эту прибыль. Капиталист всегда получает прибыль. Важно, на чем. На созидании или на разрушении. Заводы были спасены. Абсолютно не хочу представлять себя филантропом. Да я бы и не мог им стать. Но факт спасенных заводов неоспорим.

Вторая задача состояла в том, чтобы наладить производство. И не только производство, а и все остальное. Зарплата рабочих и инженеров на наших предприятиях была по тем временам не просто приемлемая. Она была гораздо выше, чем на других предприятиях. Социальная сфера оказалась спасенной от окончательного разрушения не в меньшей степени, чем основные производственные мощности.

Странно было бы начать себя воспевать. Капитализм не отменяет факт эксплуатации и не может его отменить. Но эксплуатация эксплуатации рознь. Вот говорят: «Товар - рабочая сила». Пусть товар. Хотя я так не считаю. Но даже если товар, то по отношению к товару можно выбрать две стратегии.

Первая - это плохой товар по беспредельно занижаемой цене.

Вторая - это наилучший товар за адекватную цену.

История капитализма показала, что каждый, кто выбрал первую стратегию, в итоге проиграл и оказался осужден историей. Я же всегда считал, что инвестиции в человеческий капитал имеют решающий характер и дают самую высокую отдачу.

Третья задача состояла в том, чтобы восстановить эффективные хозяйственные связи, действовавшие в пределах СССР. В новых условиях речь должна была идти о межгосударственной кооперации между предприятиями и отраслями. Эта задача уже носила не только узкоэкономический характер. Удалось бы ее решить - мы были бы гораздо ближе к успеху интеграционных процессов. Может быть, потому нам и мешали?

Еще не набравшись тогда политического опыта, я все время спрашивал коллег, в том числе более опытных, чем я: «Ну хорошо! Изнутри нас атакуют конкуренты. Это они спонсируют разного рода черный пиар. Но почему нас не поддерживают коллеги на Западе? Ведь мы пытаемся стать российскими Круппами и Рокфеллерами». Позже я понял наивность такого вопроса. Понял, что российские Круппы и Рокфеллеры совершенно необязательно должны позитивно восприниматься международными экономическими кругами.

Четвертая задача состояла в том, чтобы перейти от сырьевого контура к высокотехнологическому. Меня эта задача всегда бесконечно увлекала. И при первой возможности я стал заниматься именно ею, предпочтя обычную бизнес-деятельность деятельности на стыке науки и производства. Я стал учиться, защитил кандидатскую диссертацию, возглавил Институт перспективных исследований, готовлюсь защитить докторскую диссертацию. Одно-временно я возглавил общественное движение «Мобилизация и развитие». И целью своей деятельности (не хочу пафосного слова «миссия») сделал содействие инновационному развитию, выходу нашей промышленности на уровень высших мировых стандартов, успеху наших прорывных технологий. Путь этот долог, но интересен. Будущее покажет, удастся ли добиться на нем успехов мне и моим коллегам. Но даже если добьются другие, то мы будем счастливы.

Потому что пятой задачей для нас стало содействие всем конструктивным общественным силам, стоящим на позиции укрепления Российского государства. Я заявил об этой позиции не сейчас, когда патриотизм стал моден, а в 1998 году, сразу после дефолта, когда казалось, что центробежные процессы могут опять возобладать. Остро пережив распад СССР, я и мои сподвижники сделали целью содействие всему, что не допустит следующего распада. Мы никогда не выходили за рамки корректности при решении поставленной задачи. Мы соблюдали такт и чувство меры. Но все, что в рамках такта и чувства меры могло быть сделано, мы сделали. И мне не в чем себя упрекнуть.

Жизнь не останавливается. Возникают новые задачи. Новые ситуации. Главное - идти вперед. Не уподобляться сказочным персонажам, чьи глаза повернуты в сторону пяток.

Книга господина Калитина (в рамках того, что меня касается, а за эти рамки я выходить категорически не намерен) как раз и пытается «повернуть глаза в сторону пяток». Иначе и быть не может, коль скоро все, что реально может быть сделано в рамках такого рода журналистских расследований, - это перепев прошлого. Не хочется резкостей, но не ваш покорный слуга, а само журналистское сообщество назвало этот жанр «собранием дерьма». Кто именно изготавливал это дерьмо - доподлинно известно. Возможно, кто-то искренне шел по ложному следу. Но 90 процентов изготовителей данной «информационной органики» работали по законам «черного пиара» и были сподвигнуты на изготовление своих информпродуктов недобросовестной конкуренцией.

Хотим ли мы идти вперед и глядеть в будущее или вновь и вновь рассматривать свои пятки? Вот принципиальный вопрос. Хотим ли мы и дальше фальсифицировать свое время, назвав его «временем Ч.»? Или же мы хотим понять это время, время стремительного становления несовершенного российского капитализма? Назвать это время «временем Ч.» - значит,

недопустимо упростить ситуацию. Упростив же, отказаться от понимания всего на свете. И подлинных бед своего времени. И путей преодоления этих бед.

Вместо всего этого - ярлык «время Ч.».

Понятно, что политические последствия упрощенных и извращенных суждений о своем времени весьма прискорбны. Нам нужна правда, а не дешевые мифы. Вся правда и ничего, кроме правды. Она нужна всем. Не только участникам тех первоначальных процессов, а всему обществу.

Я ознакомился со всеми оценками, сделанными разными героями калитинского расследования и повествующими как о людях, так и о Времени. Вновь подчеркну, что по вышеназванной причине хочу и могу говорить лишь об оценках, касающихся меня лично. Я благодарен тем, кто позитивно расценивает мою роль (а почему бы мне не быть благодарным, ведь говорят же: «доброе слово и кошке приятно»). Но я в не меньшей степени благодарен и за критику, если это критика, а не собирание «информационной органики». Критика позволяет задуматься о прошлом, доуточнить в нем что-то. А значит, и более адекватно планировать будущее. Ведь любая справедливая и глубокая оценка прошлого позволяет доосмыслить цели, а значит, и проекты, касающиеся будущего. Но одно дело критика, другое - клевета, а третье - сбор чужой клеветы. Причем клеветы, уже опровергнутой.

Расследованием собранных в книге господина Калитина неправдивых обвинений против меня, почерпнутых из разного рода «компроматных» публикаций, в 90-х годах долго и тщательно занимались правоохранительные органы России. И закрыли эти расследования, не найдя в моей деятельности никаких нарушений закона, о чем меня официально уведомили. А вовлеченные в публикацию «компроматных фальшивок» СМИ всегда впоследствии либо добровольно извинялись передо мной за появление подобных материалов, либо оказывались вынуждены к таким извинениям судебными решениями.

Надо будет - еще раз добьемся сходного. Потому что речь идет не о частностях, не о личных амбициях, а о нашем прошлом, от оценки которого всегда зависит и будущее.

За долгие годы занятий бизнесом я привык читать самые дикие измышления по поводу моей фигуры. Я никогда не испытывал особого раздражения по этому поводу. Потому что понимал, кто, что и почему пишет. В силу этого понимания я всегда реагировал на написанное в самых мягких из тех форм, которые позволяют предотвратить нанесение мне недопустимого урона. Каковым я всегда считал урон в отношении репутации.

Для того чтобы мягко и с элементами юмора разъяснить особую комичность нынешней ситуации (и уравновесить серьезность юмором), позволю себе рассказать один старый одесский анекдот.

Хаим спрашивает Абрама: «Абрам, ты готов съесть эту кучу дерьма за тысячу долларов?» Абрам соглашается и ест. Хаиму становится завидно. Он говорит Абраму: «Давай я съем вон ту кучу дерьма за тысячу долларов!» Абрам соглашается, Хаим ест... Сидят Хаим и Абрам после этого... и Абрам говорит Хаиму: «Послушай, Хаим, выходит, что мы ели дерьмо бесплатно».

Мне понятно, зачем Калитин делает то, что он делает. И мне понятно, почему моему брату Михаилу приходится «есть» то, что производит господин Калитин. Тут речь идет о миллиардах долларов, вокруг которых вращаются и специально изготовленные «расследования», и реакции на них самых разных лиц.

Но мне совершенно непонятно, почему все это должен «есть» я, причем «бесплатно», оказавшись втянутым в нечто, не имеющее ко мне ни малейшего отношения.

И мне еще меньше понятно, почему нужна «разморозка» старых продуктов известного качества и генезиса, чреватая далеко не безвредными общественными процессами.

Народ, подменивший правду о времени дешевыми россказнями, забывший и извративший свою историю, обречен на то, чтобы пережить ее вновь. Когда-то потоки нечистот, низвергнутые на предыдущую систему, сломали не только систему, но и государство. Новые потоки нечистот в любом случае не могут способствовать стабильности и развитию. Тому, чему многие из нас служат не за страх, а за совесть.

* В основе сюжета книги Андрея Калитина события начала 90-х годов. Михаил Черной представлен как самый закрытый и таинственный олигарх.

Лев ЧЕРНОЙ, президент Межрегионального общественного движения содействия демократическим реформам «Мобилизация и развитие», директор Института перспективных исследований.